

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyalexander.ru/> Приятного чтения!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Иван Ксенофонтыч Иванов, отставной учитель, 60 лет.

Лизавета Ивановна, его дочь, 20 лет.

Аграфена Платоновна, вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановым.

Тит Титыч Брусков, богатый купец.

Андрей Титыч, его сын.

Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. Налево на первом плане окно, дальше дверь в комнату хозяйки; прямо дверь выходная, направо дверь в комнату Лизаветы Ивановны.

Явление первое

Иван Ксенофонтыч входит, размахивая руками, за ним Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество! И слышать не хочу невежества! (Садится за стол и раскрывает книгу.)

Аграфена Платоновна. У вас все невежество. А сами-то что? Только слава, что ученый человек! А что в нем проку, в ученье-то в вашем? Только одно мнение, что я ученый человек, а хуже нас, неученых. Живете, как бобыль – ни кола, ни двора.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество!

Аграфена Платоновна. Наладил одно! Невежество да невежество! Я к вашей пользе говорю. Мне что! Я женщина посторонняя.

Иван Ксенофонтыч. А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, так и не мешайтесь в чужие дела. Оставьте меня; видите, я делом занимаюсь.

Аграфена Платоновна (помолчав). Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю. Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмет; а у вас ни кругом, ни около – все нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит; а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани бог, помрете: куда будет лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдет? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житье, – по чужим людям шляться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вам жениха; благо, здесь сторона купеческая.

Иван Ксенофонтыч. Какое же это благо? В чем тут благо? Кроме невежества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна. А я вижу. Вот, например, Андрей Титыч, что к нам ходит, чем не жених? И молод, и богат, и из себя красавец.

Иван Ксенофонтыч. И дурак набитый, читать по-русски не умеет. Это ваш жених, а не Лизин. Вас будет пара.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Аграфена Платоновна. Уж какой он мне жених! Очень нужно ему старуху-то брать! Он с своими деньгами-то получше вашей Лизы найдет. Ему уж давно от невест проходу нет, от богатых; да не хочет, потому влюблен до чрезвычайности в Лизавету Ивановну. Вот что!

Иван Ксенофонтович (вскочив). Что? да как же он смел, скажите вы мне? Кто ему позволил? Это житья нет! Лиза моя... ведь это сокровище, это совершенство! А он, безграмотный, смел влюбиться! Мужик! Невежа!

Аграфена Платоновна. Ах, батюшка, да разве кому закажешь! Ведь она не королевна какая! А почем знать, дело женское мудреное, может, она и сама его любит. Чужая душа-то темна. Девушки об этом не сказывают.

Иван Ксенофонтович. Вздор, вздор! Этого быть не может. Я и слушать не хочу. (Переходит к другому столу.) Не мешайте мне заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дело есть.

Аграфена Платоновна (переходит за ним). А может, и вздор; я так говорю, по своему понятию. А жаль малого-то, уж очень сокрушаются. Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем.

Иван Ксенофонтович. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтович. Самодур! Это черт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это *Lingua barbara*, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтович, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур – это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове тести, а он все свое. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...

Иван Ксенофонтович. О *tempora, o mores!* [О времена, о нравы! (лат.)]

Аграфена Платоновна. Так вот Андрюша-то и боится, что отец ему жениться не позволяет... Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дело; только было бы ваше согласие. Я за двуми мужьями была, Иван Ксенофонтович, всеми делами правила. Я теперь хоть в суде какое хочешь дело обделаю. Стряпчего не нанимай. По всем кляузным делам ходок. Во всех судах надоела. Прямо до енарала хожу...

Иван Ксенофонтович. Об чем вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна. Все об том же об Брускове, об купце.

Иван Ксенофонтович. Послушайте: Плутарх в одной книге...

Аграфена Платоновна. А насчет плутовства – это точно, он стариk хитрый.

Иван Ксенофонтович (обращая глаза к потолку). О, невежество!

Аграфена Платоновна. И это есть. Хоть он и плутоват, а человек темный. Он только в своем доме свиреп, а то с ним что хочешь делай, дурак дураком; на пустом спугнуть можно. Теперь как хотите, Иван Ксенофонтович, так и сделаем. Честно так честно, а то и на штуку поймаем. Так запутаем, что хоть плачь, а жени сына на Лизавете Ивановне.

Иван Ксенофонтович. Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна. За что ж вы бранитесь? Я вас люблю, вам добра желаю (утирает слезы), а вы меня всяческими словами ругаете.

Иван Ксенофонтович. Как хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте нас с дочерью в покое.

Аграфена Платоновна (покачав головой). Эх, Иван Ксенофонтович, Иван Ксенофонтович!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Жаль мне тебя! Человек-то ты добрый, да больно ты прост. Беден ты уж больно. Вот
и одежонка-то...

Иван Ксенофонтыч. Я беден, да честен, бедным и останусь. Не хочу я знаться с
твоими с богатыми.

Аграфена Платоновна. А нынче так жить-то нельзя. (Отходит от стола.) Как хочешь
ты, Иван Ксенофонтыч, обижай меня, а я все-таки всякое добро для вас готова
сделать, да и всегда буду делать, за вашу кротость и сиротство. Мне за это бог
пошлет. (Уходит в свою комнату.)

В середину дверь входит Лизавета Ивановна, скидывает шляпку и кладет на стол.

Иван Ксенофонтыч, не замечая ее, читает с жаром и размахивает руками.

Явление второе

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа!

Иван Ксенофонтыч. А, здравствуй! Подай мне шляпу.

Лизавета Ивановна. Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и так много трудишься.

Иван Ксенофонтыч. Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодым людям учиться
надобно, и так, Лиза, у нас мало учатся, мало. Достань-ка мне Горация да подсыпь
табачку, весь вышел.

Лиза достает ему книгу и насыпает табаку.

Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, может быть, затолкуюсь с ребятами.

Лизавета Ивановна. Бедный папаша!

Иван Ксенофонтыч (надевает шляпу, идет к дверям и возвращается). Лиза, ты меня
извини, я тебе задам вопрос...

Лизавета Ивановна. Что такое, папа?

Иван Ксенофонтыч. Давеча вот эта глупая женщина (показывая на комнату хозяйки)
говорила, только не утвердительно, а так, одно предположение, что, может быть,
ты... Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна. Что же она говорила?

Иван Ксенофонтыч. Она говорила, что, может быть, ты влюблена в этого молодого
купца, который ходит к нам за книгами. Ну, разумеется, я не поверил.

Лизавета Ивановна. Охота тебе, папа, слушать ее!

Иван Ксенофонтыч. Я ее и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная
женщина. Только вот что, Лиза: ты теперь в таком возрасте... Молодая девушка, тебе
скучно со мной, со стариком... ты, сделай милость, прыгай... веселись... влюбись в
кого-нибудь, я тебя прошу об этом. Только ты не скрывай от меня, скажи мне – я
сам с тобой помолодею; я все за книгами. Лиза, у меня душа зачествела.

Лизавета Ивановна. Ах, папаша! Если б я полюбила кого, я б тебе сказала... А то
нет еще... Этот молодой человек... так себе; только уж очень необразован, ни стать,
ни сесть не умеет. И ты, папаша, мог подумать?

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну, ну, виноват! (Целует ее.) В последний раз, больше не
буду. (Смотрит на часы.) Пора, пора... (Бежит бегом из комнаты, Лизавета Ивановна
смотрит вслед ему.)

Явление третье

Лизавета Ивановна (одна, подходит к столу, садится и берет работу; молчание). Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провел за книгами, его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдет, а все-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно, тебя же презирают. (Подносит платок к глазам.)

Андрей Титыч входит.

Явление четвертое

Лизавета Ивановна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. С нашим почтением-с, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Здравствуйте, Андрей Титыч! Садитесь.

Андрей Титыч (утираясь). Покорнейше благодарим-с. Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с. Тятеньки нет-с?

Лизавета Ивановна. Нет; ушел на урок.

Андрей Титыч. По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек-с.

Лизавета Ивановна. Что вы такое говорите?

Андрей Титыч. У нас в ряду один учитель ходит, горькой, так над ним смеются, дразнят, значит. Ты, говорят, окромя свинячьего, на семь языков знаешь.

Лизавета Ивановна. Как же вам не стыдно смеяться над людьми почтенными! Как это дурно!

Андрей Титыч. Что ж такое! Шутка не вредит-с. Хороший человек на свой счет не примет.

Лизавета Ивановна. Бросьте эту привычку, нехорошо. Зачем обижать!

Андрей Титыч. Нельзя нашему брату не смеяться-с; потому эти стрюцкие такие дела с нами делают, что смеуху подобно.

Лизавета Ивановна. Что у вас за слова такие! Какие-то стрюцкие!

Андрей Титыч. Уж это слово им недаром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся, – засудит; а дал ему целковый или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдет. (Помолчав.) Я теперь от тятеньки скрываюсь-с.

Лизавета Ивановна. Как скрываетесь? Зачем же?

Андрей Титыч. Женить хотят... насильственным образом.

Лизавета Ивановна. Что ж, разве вам невеста не нравится?

Андрей Титыч. Такую нашли – с ума сойдешь! Тысяч триста серебра денег, рожа.ю как тарелка, – на огород поставить, ворон пугать. Я у них был как-то раз с тятенькой, еще не знамши ничего этого; вышла девка пудов в пятнадцать весу, вся в веснушках; я сейчас с политичным разговором к ней: "Чем, говорю, вы занимаетесь?" Я, говорит, люблю жестокие романсы петь. Да как запела, глаза это раскосила, так-то убедила народ, хоть взвой, на нее глядя. Унеси ты мое горе на Гороховое поле!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Лизавета Ивановна. Да разве вы своей воли не имеете? Не нравится вам девушка, ну, и не женитесь, так и скажите отцу.

Андрей Титыч. Какая тут воля! Эх, Лизавета Ивановна! Нешто у нас так, как у людей! (Махнув рукой.) Крылья у меня ошибены, то есть обрублены, как есть. Уродом сделали, а не человеком. Словно угорелый хожу по земле. У нас так не водится, чтоб сын смел выбрать себе невесту по душе, значит, как следует; а привезут тебя, покажут, ну и женись. А коли скажешь, что, мол, тятенька, эта невеста не нравится: а, говорит, в солдаты отдан! Ну и шабаш! уж не то что в этаком деле, и в другом-то в чем воли не дают. Я вот помоложе был, учиться захотел, так и то не велели.

Лизавета Ивановна. Неужели это правда? Право, мне не верится. Что-нибудь да не так.

Андрей Титыч. Уж это так точно-с, будьте покойны. Диви бы негде было учиться али бы денег не было; а то денег угол непочатый лежит, девать куда не сообразим. Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. На что ж она построена? Смотреть на нее? Кабы у нас, значит, вообще по купечеству такое заведение было, чтобы детей не учить, так бы и не обидно. А то этого нет. Перед другим-то, перед своим братом и совестно. Вот у тятеньки приятель был, тоже русский купец, с бородой ходил, а сына-то в Англию посыпал. Теперь свое дело, по машинной части, лучше их знает. Стало быть, их и выписывать не надо и денег им не платить. Что их баловать-то! Я, может, не глупей его, а теперь смотри да казнись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошел: потому страсть имею. Вот тятенька меня поедом ест, а за что? Сам не знает. По фабрике кто первый? Все я. Я вперед знаю, что требуется.

Молчание.

Лизавета Ивановна, вы ведь не поверите, что я вам скажу: я к скрипке оченno пристрастие имею.

Лизавета Ивановна. Ну, так что ж?

Андрей Титыч. Вот теперь пятый год учусь... знаете где? На чердаке, в чулане. Беда, как узнает... "да что это! да к чему это! да с твоим ли рылом, скажет, такие нежности разводить!" В театр никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, так беда. У нас все равно, что загулял, что в театре просидел, это на одном счету. Ту причину пригоняют, что у нас один брат помешанный от театру, а он совсем не от театру, так, с малолетства заколотили очень.

Лизавета Ивановна. Знаете ли, Андрей Титыч, я вас научу. Когда вы заметите, что ваш отец в хорошем расположении духа, вы ему откровенно и выскажите все: что вы чувствуете, что у вас есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титыч. Он такую откровенность задаст, что места не найдешь. Вы думаете, он не знает, что ученый лучше неученого, - только хочет на своем поставить. Один каприз, одна только амбиция, что вот я неучен, а ты умнее меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна. Мне, право, вас жалко, Андрей Титыч! Ходите к нам почаше. Вы моего отца знаете, он образованный человек, он вам может много пользы принести, да и я, с своей стороны, постараюсь, что могу.

Андрей Титыч. Эх, Лизавета Ивановна, жаль только, что мне развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна. Какой развязки?

Андрей Титыч. Не умею я по-французски говорить и походки настоящей не имею. Вон теперь в магазинах приказчики разговаривают по-французски, ногами шаркают, барышни им глазки делают.

Лизавета Ивановна. Полноте вздор говорить!

Андрей Титыч. Да как же-с! Уж коли знаешь французский язык да есть походка, так
Страница 5

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru тут можно смело... значит, что только завидел, орел ли в небе, щука ли в море, — все наше.

Лизавета Ивановна. Вы мне, пожалуйста, глупостей не говорите, я вас прошу.

Андрей Титыч. Ведь женщины, они души в человеке понять не могут-с: только ловкость нужна, ну и насчет одежи, чтобы первый сорт-с.

Лизавета Ивановна. Я вам откровенно скажу, Андрей Титыч, с вами очень мудрено разговаривать. Вы не подумавши говорите такие вещи, которые могут казаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаем и ласкаем вас за ваше платье?

Андрей Титыч. Да что со мной, дураком, толковать-с; я просто пропащий человек, от своего собственного необразования. Болтаю, что в голову придет, всякие наши рядские глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки, — да только я выразить не умею. Мне как-то раз показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселей взглянули, так я загулял на три дни, таких вертунов наделал, — беда! Одному извозчику что денег заплатил.

Лизавета Ивановна. Ну, зачем же это? Разве вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титыч. А что ж мне делать-то? Куда мне деваться-то? Я как сумасшедший сделался. Я в жизнь ни от кого хорошего слова не слыхивал. (Подходит к Лизавете Ивановне.) Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Что вам угодно?

Андрей Титыч. Дайте мне ручку поцеловать.

Лизавета Ивановна. Что вы за вздор говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титыч. Да что ж за важность! Может, в последний раз. Ведь вас не убудет.

Лизавета Ивановна. Да нехорошо, и совсем не нужно... ну, а впрочем... (Оглядываясь, протягивает ему руку.)

Андрей Титыч (целует). Умер бы у вас и домой не пошел! Уж очень тяжко мне! Эх, доля, доля! (Плачет.)

Входит Аграфена Платоновна.

Явление пятое

Лизавета Ивановна, Андрей Титыч и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Здравствуй, Андрюша! Что с тобой?

Андрей Титыч. Так, ничего-с.

Аграфена Платоновна. Как ничего? Ты словно как мокрая курица.

Андрей Титыч. Подвесить себя хочу-с.

Аграфена Платоновна. Как так?

Андрей Титыч. Известно как: за петельку на гвоздик.

Аграфена Платоновна. Что за напасть такая?

Андрей Титыч. Да что, разговаривать-то не хочется. Женить хотят, вот и все-с.

Аграфена Платоновна. Плохо твое дело.

Андрей Титыч. Обидно-с! (Раскланивается.) А впрочем, прощайте-с. (Подходит к Аграфене Платоновне.) Что ж, отдайте энту штуку-то; еще, пожалуй, история выдет.

Аграфена Платоновна. Ну вот, на что она тебе?

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Андрей Титыч. А то, пожалуй, и не надо; делайте, что хотите. Уж семь бед, один ответ. До приятнейшего свидания. (Кланяется и уходит.)

Явление шестое

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Видали вы, что мужики-то значат? Так вот посмотрите. Насильно хотят малого женить. Самое низкое обыкновение! Нешто человек может любить против желания? Какие на это права? Какие законы? Живут неопрятно, ну ничего и не понимают. Ломят по-своему, что на ум взбрело спросонков... А я было его, барышня, призналась, для вас прочила.

Лизавета Ивановна. Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна. Да что спрашивать-то? Дело видимое. Человек хороший, богатый, вас любит. Куражу не имеет сказать вам, потому что умных слов не знает от своего от дурацкого воспитания. А случится, когда ко мне в комнату зайдет, так и заливаются-плачут: все бы я, говорит, сидел у вас, все бы глядел на Лизавету Ивановну, жизни готов решиться, только бы жениться на ней. Сколько мне подарков переносил, чтобы я вам за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна. Какой еще он жених, ему учиться надобно в школе где-нибудь.

Аграфена Платоновна. Любовь-то не спрашивает, все ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что ж ему делать? Он бы и рад учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахар!

Лизавета Ивановна. Мне смешно вас слушать, Аграфена Платоновна. Ну, рассудите вы сами, какая же мне неволя идти в такую семью: сын необразованный, а отец дурак.

Аграфена Платоновна. Не тысячу же лет этот старый хрыч жить будет. Потерпите маленько, а потом сами барыней будете. Оно, точно, вам будет не сладко; да денег-то у них, у леших, больно много. Зато что захотите, муж все для вас будет делать, разве только птичьего молока не достанет.

Лизавета Ивановна. Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сих пор меня не знаете? Я ни за какие сокровища не захочу терпеть унижения. Ведь они за каждую копейку вымestят оскорблением; а я не хочу их переносить ни от кого. То ли дело, как мы живем с папашей! Хоть бедно, да независимо. Мы никого не трогаем, и нас никто не смеет тронуть. (Работает.)

Аграфена Платоновна (взглянув в окно). К нам дрожки подъехали. Ах, батюшки! да ведь это он!

Лизавета Ивановна. Кто он?

Аграфена Платоновна. Андрюшин отец, Тит Титыч.

Лизавета Ивановна. Это, должно быть, к вам; а к нам ему незачем.

Тит Титыч входит.

Явление седьмое

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Тит Титыч. Где Андрюшка? Сказывайте скорей, а то искать примусь.

Аграфена Платоновна. Почем мы знаем, где твой Андрюшка. Ступай, откуда пришел; нечего тебе здесь делать!

Тит Титыч. Не с тобой говорят. Барышня, выдавай Андрюшку! да не вертись; видишь, я сам за ним пришел; я шутить не люблю! У меня слово – закон.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Лизавета Ивановна (встает). Я вас не знаю и знать не хочу. Подите вон отсюда!

Тит Титыч (садится). Полно вилять-то! Все соседи говорят, что он у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замуж норовишь; так нет, шалишь, не пообедаешь!

Лизавета Ивановна (закрывает лицо платком). Господи! Что же это такое!

Аграфена Платоновна. Ступайте, барышня, к себе в комнату. Что вам с мужиком разговаривать! Я одна с ним управлюсь.

Лизавета Ивановна уходит.

Явление восьмое

Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Аграфена Платоновна. Ты что буянишь-то! Ты куда, в кабак, что ли, зашел? Кричи поди у себя дома, а здесь язык-то прикусишь. Я, брат, так раскассирую...

Тит Титыч. А вот я обыск исделаю, квартального позову.

Аграфена Платоновна. Так тебе и позволят в благородном доме безобразничать!... да ну, коли на то пошло, делай обыск. А не найдешь, чем ответишь?

Тит Титыч. Не ваша печаль, это наше дело. За безобразие заплатим.

Аграфена Платоновна. Ты думаешь деньгами отъехать? Нет, ведь стариk-то не алтынник, он с тебя ничего не возьмет. Чем ты смотришь – и того не возьмет. Он заслуженный человек, за тридцать лет пряжку имеет. Он тебя в смирительный упрячет.

Тит Титыч. Видали мы виды-то! черт Ваньку не обманет, Ванька сам слово знает. Вы мне Андрюшку подайте; видишь, я сам за ним пришел.

Аграфена Платоновна. Сам с усам! Жалко вот, что тебя не боится здесь никто; а то так бы тебе Андрюшку и представили, невидимой силой. Да коли нет его, чудак человек, значит, негде взять. Он дома давно.

Тит Титыч. Да ты врешь, может быть?

Аграфена Платоновна. А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Тит Титыч. Нет уж, я лучше сам пойду, только если не найду его, я уж за тебя примусь. Слышишь! (Берет шапку.)

Аграфена Платоновна. Погоди, куда ты? Еще мне с тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро разделаешься. (Вынимает из стола бумагу.) Ты это видишь?

Тит Титыч. Что это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна. Читай! Только из рук не выпущу; мы вашего брата знаем.

Тит Титыч (надев очки). "Я, нижеподписавшийся купеческий сын, Андрей Титов сын Брусков, обязуюсь жениться на дочери титулярного советника, девице Елизавете Ивановне Ивановой, в чем и даю сию расписку". (Перестает читать и снимает очки.)

Аграфена Платоновна. Понял?

Тит Титыч. Как не понять! Это, то есть, насчет грабежу. Ну, народец! что ж вы с этой бумагой делать будете?

Аграфена Платоновна (запирает в стол бумагу). Уж стариk знает, что делать. Порядок известный: дело по делу, а суд по форме.

Тит Титыч (почесав затылок). По форме? Нет уж, лучше мы так, между себя

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru сделаемся.

Аграфена Платоновна. Известно, лучше: только ведь с тобой честью-то мудрено.

Тит Титыч. Уж и ваш-то брат нам солон приходится. А вы пожалейте душу человеческую.

Аграфена Платоновна. Что тебя жалеть-то! давай три тысячи целковых, вот и квит.

Тит Титыч. Ишь ты, ишь ты заломила! Ведь я не сам деньги-то делаю; трудами доставал, пСтом.

Аграфена Платоновна. Да, потеете вы в трактире за чаем. Ты лучше и не торгуйся; а то сам придет, пожалуй, и трех не возьмет. Уж это я так беру смелость, хочу без него дело сделать.

Тит Титыч. Полтораста рубликов.

Аграфена Платоновна. Что? За такое дело полтораста рублей! да как у тебя язык-то поворотился!

Тит Титыч. За что деньги-то давать, ты сама рассуди. Ведь задаром-то жалко.

Аграфена Платоновна. За что? За твое нравство! Не ходи по лавке... Говорю, не торгуйся, а то прогоню; так ни с чем уйдешь.

Тит Титыч. Ты меня выведешь из терпимости, в те поры я в себе не властен: я тебя прибью.

Аграфена Платоновна. Любопытно это будет посмотреть! Я караул-то на всю Зацепу закричу. Свяжем тебе лапки назад, да еще три тысячи заплатишь.

Тит Титыч. Надоела уж ты мне. Говори последнюю цену.

Аграфена Платоновна. Последнюю?

Тит Титыч. Да, последнюю.

Аграфена Платоновна. Без разговору – две тысячи.

Тит Титыч. Возьми пятьсот.

Аграфена Платоновна. И говорить не хочу, что за торговля! (Молчание) Ну, давай полторы.

Тит Титыч. Семьсот пятьдесят.

Аграфена Платоновна. Ну, вот тебе последнее слово: тысячу рублей и ни копейки меньше.

Тит Титыч. Ни копейки?

Аграфена Платоновна. Ни копейки.

Тит Титыч. Ну, по рукам!

Аграфена Платоновна. давай деньги.

Тит Титыч. давай бумагу.

Аграфена Платоновна. Клади деньги на стол, и я положу.

Тит Титыч отсчитывает деньги и кладет на стол, Аграфена Платоновна вынимает из стола бумагу. Размениваются. Аграфена Платоновна кладет деньги в стол и запирает. Тит Титыч кладет бумагу в карман.

Тит Титыч (садится). Разбойники, грабители!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Аграфена Платоновна. Ну, теперь ступай с богом. Дела все покончили, больше не об
чем с тобой толковать.

Тит Титыч. Нет, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники,
грабители! За что только вы с нас денег не берете? Обмануть, ограбить,
обольстить человека!

Аграфена Платоновна. Как с тебя и не взять-то! Ведь уж ты жила известный, сам
норовишь на грош пятаков купить.

Лизавета Ивановна проходит из боковой двери в серединю.

Должно быть, старик пришел. Ступай, ступай!

Тит Титыч. Обманули мальчишку, дурака, опутали, а с отца деньги взяли. Честно
это, благородно? А еще благородством похваляетесь!

Иван Ксенофонтович и Лизавета Ивановна входят.

Явление девятое

Тит Титыч, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иван Ксенофонтович.

Лизавета Ивановна. Папаша, посмотри, что у нас делается.

Иван Ксенофонтович молча смотрит на Брускова.

Тит Титыч. Ты что на меня смотришь? На мне, брат, ничего не написано. Деньги-то
взять умели! Вы меня хоть попотчуйте чем за мои деньги-то.

Иван Ксенофонтович (смотрит на всех вопросительно). Он сумасшедший? Сделайте
одолжение, милостивый государь, оставьте нас.

Тит Титыч. Обобрали, а теперь гоните. (Показывая на Лизавету Ивановну.) Ишь,
какая красавица! Как не прельститься на нее. ловушку для нашего брата
подстроили. У вас тут такая шайка подбрана, что вы и старика какого из ума
выведете, а не то что мальчишку глупого.

Иван Ксенофонтович. Поди вон!

Тит Титыч. Что ты кричишь-то! Я ведь ничего, я так, шучу с тобой.

Иван Ксенофонтович. Поди вон, говорю я тебе.

Тит Титыч (встает). Пойду. (Подходит к Ивану Ксенофонтовичу и ударяет его по
плечу.) Поедем ко мне! Выпьем вместе, приятели будем! Что ссориться-то!

Иван Ксенофонтович. Уйди ты от нас.

Тит Титыч. Ну, прощай. (Подходит к двери.) Ишь ты, какой сердитый! Да уж теперь
не испугаете. Вот она, бумага-то, здесь в кармане. Разбойники, грабители!
(Уходит.)

Явление десятое

Иван Ксенофонтович, Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтович. Что это за человек?

Аграфена Платоновна. Тит Титыч Брусков, Андрюшин отец.

Иван Ксенофонтович. Что он говорил? Какие деньги? Какие грабители? Кто его
ограбил?

Аграфена Платоновна. Ну, да за дело, чтоб не шумел в чужом доме. За дело ему!
Так их и надо. Я-таки, признаться, сорвала с него малую толику. Жаль, что мало!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Нам годится, а с паршивой собаки хоть шерсти клок.

Иван Ксенофонтыч. Да за что?

Аграфена Платоновна. Все жалеючи вас, Иван Ксенофонтыч, да вашу дочку; глядя на
вашу бедность, решилась на такое дело. Что ж, ведь тут дурного ничего нет.

Иван Ксенофонтыч. Да каким образом? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна. А вот каким образом: как Андрюша-то уж очень влюбленный
был, вот как-то раз и зашел ко мне, и расплакался, а я ему нарочно и говорю:
тебе, мол, нельзя к нам ходить, будут соседи говорить и то, и се. Что хорошего!
Наше, мол, дело женское, мы никакого такого разговору про себя не хотим. Ты,
говорю, оставь, не ходи. Он это, сударь мой, стал меня просить, плакать, руки
целовать. Я взяла подпоила его да и говорю: все может, Андрюша, случиться, отец
твой не нынче-завтра умрет, ты будешь на воле, тогда, пожалуй, нас с Лизаветой
Ивановной и забудешь, других найдешь. А он-то божится, он-то разные клятвы
произносит. А у меня на ту пору случились лист гербовой бумаги.

Иван Ксенофонтыч. Ну!

Аграфена Платоновна. Ну, я своей рукой написала расписку, что он обещается
жениться на Лизавете Ивановне, все как следует, по форме, а он и подписал.

Лизавета Ивановна. Какой стыд! Какой срам! Папаша, что мне делать! (Рыдая,
падает на грудь отцу.)

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну...

Аграфена Платоновна. Ну, вот за это и взяла с Тита Титыча тысячу целковых.

Иван Ксенофонтыч. А расписка где?

Аграфена Платоновна. Я ей отдала.

Иван Ксенофонтыч (обнимая дочь). Бедное дитя мое! (Плачет.)

Аграфена Платоновна. Да об чем вы плачете?

Иван Ксенофонтыч. Куда нам с тобой деться от грубости, от оскорблений, от
невежества!

Лизавета Ивановна. Папаша, уедем отсюда поскорей!

Иван Ксенофонтыч. Уедем, уедем!

Лизавета Ивановна. Ты поди, брось ему деньги. (Садится у стола.)

Иван Ксенофонтыч. Да. да, и расписку возьму. Он мне ее отдаст, я ему деньги
возвращу. Как ты думаешь, ведь он отдаст? Отдаст? Он не смеет не отдать – мы не
виноваты. Я разорву ее, вот и конец, и не об чем нам плакать с тобой! (к
Аграфене Платоновне.) Подай деньги!

Аграфена Платоновна. Иван Ксенофонтыч, пригодятся.

Иван Ксенофонтыч. Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна (вынимая из стола). А чем завтра топить будете? (Отдает.)

Иван Ксенофонтыч. Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна. Прощай, папаша. (Обнимает его.) Поди, выкупай наше бесчестье.

Идут к двери.

Аграфена Платоновна (вслед им). Вот хлопоты для людей, старайся, сама же виновата
останешься. Кто же вас знал, что вы такие сумасшедшие!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Тит Титыч Брусков.

Настасья Панкратьевна, жена его.

Андрей Титыч;

Капитон Титыч, сыновья их.

Ненила Сидоровна, знакомая Брусковой.

Иван Ксенофонтыч Иванов.

Захар Захарыч, стряпчий.

Луша, горничная девушка.

Богатая гостиная в доме купца Брускова.

Явление первое

Луша (стирает пыль) и Капитон Титыч (крадется к двери).

Капитон Титыч. Луша, здесь никого нет?

Луша. Никого.

Капитон Титыч. Как тут хорошо, просторно, а в кухне сегодня угарно. Что в кухне-то сидеть за охота. Я такой же сын, как и Андрюша, а меня все в кухне взаперти держат.

Луша. Захотел ты сравняться с Андреем Титычем! Андрей Титыч у нас молодец, а ты что! Так, дурачок.

Капитон Титыч. Да, дурачок, как же! У вас будешь дурачок. На цепь еще посадите!
(Ходит по комнате и делает трагические жесты.)

Луша. Купидон Титыч, представь что-нибудь из тиатрального.

Капитон Титыч (становится в позу). "Прочь с дороги! Посторонитесь! Лев ушел из клетки! Бык с бойни сорвался! Посторонитесь!" (Разгорячившись.) давай теперь сюда, кто меня дураком сделал, убью сразу.

Луша хочет. Капитон Титыч, услышав, что идут, крадется к двери и скрывается.

Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входят.

Явление второе

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна. Милости просим, Ненила Сидоровна, садитесь покорнейше прошу. Луша, принеси-ка нам вареньица.

Луша. Сейчас-с. (Уходит.)

Настасья Панкратьевна. Как дела ваши?

Ненила Сидоровна. Дела ничего, слава богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Настасья Панкратьевна. Видно, матушка, Ненила Сидоровна, вся кому своя ноша тяжела. Вот вы об дочерях, а я об сыновьях. Что у кого болит, тот о том и говорит. А по-моему, дочери все-таки легче.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Ненила Сидоровна. Глаз да и глаз нужно, Настасья Панкратьевна. Ведь нынче время-то какое! Люди-то какие! Верите ли, боишься в сад выпустить.

Настасья Панкратьевна. Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопот с ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, замуж выдавать хлопотно, возни много. А вам и то с пола-горя, Ненила Сидоровна, ведь вы денег много даете за дочерьми-то, так вам нечего бояться, что в девках засидятся.

Ненила Сидоровна. Про это что толковать. Дочь не домашний товар; как не как, а надо с рук сбывать. Ну, там уж не наша беда; живи, как хочешь. А покедова-то вот! Ведь у нас приказчики, ну и другого постороннего народу много.

Настасья Панкратьевна. Присмотр нужен, я про это вам и докладываю, зато уж больше-то никаких хлопот. Мальчики-то ведь на воле, Немила Сидоровна, как за ними усмотришь; везде ходят. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругом идет. Андрюша мальчик шустрой, проворный, до всего понятливый, так, сударыня моя, от дома совсем отбивается: то не хорошо, другое не по нем, учиться, говорит, хочу. Что ж, мы разве его не учили! И риҳметике и граматике гимназист учил. На что ему много-то знать? И так боек, а как обучат-то всему, тогда с ним и не сковоришь; он мать-то и уважать не станет; хоть из дома беги.

Ненила Сидоровна. Да, вот насчет ученья-то. У нас соседка отдала сына учиться, а он глаз и выколол.

Настасья Панкратьевна. Это долго ли. А вот теперь влюбился. Да в кого! Немила Сидоровна, в кого! Во что влюбиться-то! Так, одна непокорность к родителям.

Ненила Сидоровна. В кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна. Что за секрет; весь околоток в трубы трубит. Знаете учителя Иванова, так в его дочь; ну, и погибает совсем.

Ненила Сидоровна. Знаю, знаю, видала. Скажите! Где же глаза-то у него были! Так, творение какое-то... ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот сами рассудите.

Ненила Сидоровна. Что говорить!

Настасья Панкратьевна. Каково матери-то?

Ненила Сидоровна. Подсыпали чего-нибудь. Это бывает.

Настасья Панкратьевна. Уж я и сама так думаю.

Ненила Сидоровна. А вы вот что... нехорошо только говорить-то...

Настасья Панкратьевна. Ничего.

Ненила Сидоровна. А сразу снимает. (Шепчет ей на ухо.)

Настасья Панкратьевна. Помогает?

Ненила Сидоровна. Помогает. То-то вот, хитры они, ан хитрей их есть. На всякий приворот средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и от глазу, и от запою, и против бородавок у меня симпатия есть.

Настасья Панкратьевна. Так надоть попробовать, а то что же хорошего! Мы теперь его женить хотим; нам надо невесту с большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя нам бедную-то брать.

Ненила Сидоровна. Разумеется.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот, матушка моя, теперь есть такая на примете, отец нашел; а он скрывается от отца-то. Всякая мать баловница; другой раз расплачется, - глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А все-таки нехорошо.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Ненила Сидоровна. Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна. А другой, Купидоша, так совсем какой-то ума рехнувший по театру. Да табак курит, Немила Сидоровна, такой крепкий, просто дышать нельзя. В комнатах такого курить нельзя ни под каким видом, кого хочешь стонит. Так все больше в кухне пребывает. Вот иногда скучно, позовешь его, а он-то и давай кричать по-тиатральному, ну и утешаешься на него. С певчими поет басом, голос такой громкий, так как словно из ружья выпалит.

Ненила Сидоровна. Говорят, маленьких нехорошо по голове бить, глупеют от этого.

Настасья Панкратьевна. Кто их знает, может, и правда.

Капитон Титыч выглядывает из-за двери.

Да вот он.

Ненила Сидоровна. Кто? Дурачок-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна. Купидоша, Купидоша!

Капитан Титыч робко входит.

Явление третье

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитон Титыч.

Настасья Панкратьевна. Что ты, Купидоша?

Капитон Титыч. Я так, ничего... Пятачок мне надо.

Настасья Панкратьевна. На что?

Капитон Титыч. Табачку купить... Без табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна. Ну, хорошо, дам. Представь что-нибудь нам с Немилой Сидоровой.

Капитон Титыч (трагически). "Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли!"

Ненила Сидоровна. Что это, матушка! Что это такое! Страсть какая! Он у вас, должно быть, порченый!

Андрей Титыч входит.

Явление четвертое

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна, Капитон Титыч и Андрей Титыч.

Настасья Панкратьевна. А вот мой другой сын, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна. Этот умный?

Настасья Панкратьевна. Умный. (Сыну.) Отец тебя нынче целый день ищет, никак хочет вечером к невесте ехать.

Андрей Титыч. Я опять убегу-с.

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты! Уж от своей судьбы не уйдешь! Что кому суждено, тому и быть.

Андрей Титыч. Да почем же вы, маменька, знаете, что мне суждено жениться на дуре неотесанной!

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Настасья Панкратьевна. Ну вот, изволите видеть, Немила Сидоровна, можно с ним
разговаривать?

Ненила Сидоровна. Ах, молодой человек, молодой человек!

Настасья Панкратьевна. Что ты, умней отца с матерью хочешь быть! Выше лба глаза
не растут, яйцы курицу не учат.

Андрей Титыч. Маменька, да ведь мне с ней жить-то будет!

Настасья Панкратьевна. Как ты можешь грубить! Кто с тобой говорит-то? Мать али
нет? Должен ты это понимать.

Андрей Титыч. Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

Настасья Панкратьевна. Вот видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна. Послушайте, молодой человек, я постарше вас, все эти штуки,
все эти подходы и все эти дела видала.

Настасья Панкратьевна. Так, так, Немила Сидоровна. А ты слушай, что старшие-то
говорят. И ты тоже, Купидоша. Все это вам на пользу.

Андрей Титыч. Да что слушать-то? Слыхал я эти разговоры-то.

Настасья Панкратьевна. Не груби, говорю тебе, не груби!

Ненила Сидоровна. Молодой человек, вы мало жили, мало видели свет, вы еще не
знаете, как люди хитры.

Настасья Панкратьевна. Да, да. У нас у кучера поддевку укради в одну минуточку.
И кто же украл-то? Приятель его.

Ненила Сидоровна. Вот вы теперь влюблены, мне ваша маменька говорила: вы
думаете, это спроста?

Андрей Титыч. Этот разговор надоть кончить-с.

Ненила Сидоровна. Нет, позвольте-с. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь
дочерей.

Настасья Панкратьевна. Да, да, вот слушай, что умные-то люди говорят, и ты тоже,
Купидоша, слушай.

Ненила Сидоровна. Будем прямо говорить. Кругом вас, по соседству, есть какие
грудзи! Из всякого сословия! Уж можно сказать, что наша сторона этим отличается!
Чего б, кажется, лучше! Так нет, вам не по сердцу. А эта что? Диви бы собой...
(делает жест руками) или что другое! Вот только стыдно говорить-то, а то бы
сказала. Во что влюбиться-то молодому человеку?

Настасья Панкратьевна. Да, да.

Ненила Сидоровна. Значит, механика и выходит... с их стороны.

Андрей Титыч. Говорите, что угодно, мне все равно-с. Ей мою женой не быть.
Такие девушки не про нас-с. Где нам, дуракам! Мы их и понимать-то не умеем.
Говорить-то всякий умеет, кто почаше, кто пореже, да толку-то в этом немного;
слушать-то нечего. Вот кабы я умел вам объяснить, какая в этом разница –
образованная девушка или необразованная, так бы другой разговор был. А то не
умею. Да хоть бы и умел, так вы не поймете ничего. Значит, лучше молчать.

Ненила Сидоровна (Настасье Панкратьевне). Попробуйте, что я говорила.

Настасья Панкратьевна. Непременно попробую.

Андрей Титыч. Вы хотите меня теперича женить, – так найдите невесту, чтоб хоть
мало-мальски была на человека похожа. Я, пожалуй, женюсь, ведь уж не
отбегаешься. А эта ваша мне уж очень противна. Маменька, спрячьте меня

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru куда-нибудь от тятеньки! А то уж жените, что ли, поскорей, чтоб я не мучился.

Настасья Панкратьевна. Какая же в этом мука, глупый! Ничего, кроме хорошего. Ты, я вижу, такой же дурак, как и Купидошка.

Капитон Титыч. "Умолкни, чернь непросвещенна!"

Настасья Панкратьевна. Полно орать-то! Ишь, затрубил.

Капитон Титыч. Брат, дай три гривенника, пойду нынче в театр, душу отвести.

Андрей Титыч. На, Капитоша. (Достает деньги из кармана и отдает Капитону Титычу.)

Луша (вбегая). Сам приехал! (Уходит.)

Капитон Титыч за ней прокрадывается в дверь.

Настасья Панкратьевна (Андрею Титычу). Поди, спрячься в спальню, там и сиди. Я скажу, когда выйти.

Андрей Титыч уходит.

Ненила Сидоровна. Прощайте, Настасья Панкратьевна. К нам как-нибудь.

Настасья Панкратьевна. Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мне всегда очень приятно вас видеть. Я, признаюсь вам сказать, сама-то не из дальних, ведь уж не скроешь; так мне лестно позаняться от умных-то. Как-нибудь на днях беспременно заеду. (Провожает ее до дверей.)

Ненила Сидоровна уходит. Тит Титыч входит.

Явление пятое

Настасья Панкратьевна и Тит Титыч.

Тит Титыч (садится молча на стул). Фу ты, черт возьми! Впервые отроду со мной такая беда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нет, погоди!

Настасья Панкратьевна. Кто тебя не уважил, Кит Китыч? Кто смел?

Тит Титыч. Молчи, не твоё дело! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! (Топает ногой.) Жив быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна. Что прикажете, кит Китыч?

Тит Титыч. Отыскать Захарыча сию минуту.

Настасья Панкратьевна. Да он тут где-то путается: я его в окно сейчас видела. (Подходит к окну.) Эй, Луша!

За сценой смех.

Что ты там с молодцами все играешь! Нет на вас времени!

Луша за сценой: "Я ничего-с. Чего изволите?"

Сыщи сейчас Захарыча да приведи сюда.

Тит Титыч. Чтоб я перенес такую обиду над собой! От дряни, от учителишки! Да что ж это за времена пришли! Нет, стой! Я сроду ни от кого обиды не видывал. Настасья! Смеет меня кто обидеть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Тит Титыч. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег
заплатил на своем веку.

Настасья Панкратьевна. Много, Кит Китыч, много.

Тит Титыч. Молчи! Они только тем и взяли, что я в чужой квартире был. А ты,
поди-ка, здесь со мной потолкуй, так я тебя уконтентую по-своему.

Захар Захарыч входит.

Явление шестое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Захар Захарыч.

Тит Титыч. Эй ты, Сахар Сахарыч, благодетель я тебе али нет?

Захар Захарыч. Благодетель, батюшка Тит Титыч.

Тит Титыч. Ты человек, внимания не стоющий, потерянный человек, а я тебя
призрел. Не гнушаюсь тобой, к себе в дом пущаю.

Захар Захарыч кланяется.

Дочь твою пристроил... за межевого, за вольнопрактикующего. Уж не моя это вина,
что он пьяница.

Захар Захарыч. Был вольнопрактикующий, а теперь праздношатающийся.

Тит Титыч. Все-таки я тебе благодетель. А ты отчего у меня давно не был?

Захар Захарыч. Нет никаких возможностей, Тит Титыч, терпенья никакого не
хватает. Мальчишки очень одолевают. Как только к рынку подходишь, и откуда их
нанесет, туча тучей, бегут, укают: у-у-у-у. Приказчики из лавок подсвищут: такой
гам подымут, хоть сквозь землю провались.

Тит Титыч. А ты вечером ходи. Да не в том дело. Можешь ты такое прошение
написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе все равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Все равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу.

Захар Захарыч. Что же писать прикажете?

Тит Титыч. А ты вот что пиши: что обидели такого-то купца, а с сына оного купца
учитель, против всяких прав, взял расписку, чтобы жениться на его дочери. Вот
тебе и расписка. Я никаких денег не пожалею, коли сделаешь. Можешь ты это
сделать?

Захар Захарыч. Могу-с.

Тит Титыч. Ну, так садись и пиши при мне. Вон тебе чернила и бумага на столе.

Захар Захарыч садится за стол.

Да дай ему графин водки!... Нет, не надо.

Захар Захарыч. Для воображения, Тит Титыч!

Тит Титыч. Нет, после, а то я тебя знаю. (Жене.) Ну, теперь ты мне сына подай.
(Захару Захарычу.) А ты строчи!

Настасья Панкратьевна. Да его нету дома. Кит Китыч.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Тит Титыч. Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч Брусков.

Тит Титыч. Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово – закон!

Настасья Панкратьевна. Слушаю, Кит Китыч. (Подходит к двери.) Андрюша, Андрюша, поди, отец кличет.

Андрей Титыч входит.

Явление седьмое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Ну, Андрей, что мне теперь с тобой делать?

Андрей Титыч. Что вам угодно-с, вся ваша воля.

Тит Титыч. Ты благодари бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мне давеча, я бы тебя изуродовал. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титыч. Тятенька, можно с вами говорить откровенно?

Тит Титыч. Ты, что хочешь, говори, только дело, а то смотри!

Андрей Титыч. Я вам, тятенька, во всю жизнь свою ни в одном слове не перечил.

Тит Титыч. Еще бы ты смел!

Андрей Титыч. Конечно, я должен повиноваться своим родителям. А коли которую вы мне теперь невесту сватаете, да ежели она мне не нравится, что же должен я делать?... На всю жизнь страждить? Ежели мне нравится другая?

Тит Титыч. Знаю, знаю.

Андрей Титыч. Почем же вы их знаете-с?

Тит Титыч. Сейчас сам был у них.

Андрей Титыч. А сами видели, так лучше всего-с. Истинно достойная девушка, можно чести приписать. Не то что...

Тит Титыч. Вот я тебе такое достоинство задам! Ты уж лучше меня не серди. Молчи, я тебе говорю. Вон, видишь, строчило пишет. Это вот прошение на них. (Захару Захарычу.) Пиши хорошенъко! (Сыну.) Они с тебя, дурака, расписку взяли, а с меня за нее тысячу целковых вытребовали.

Андрей Титыч. Кто же это-с?

Тит Титыч. Все они же. И красавица твоя тут же. Так вас, дураков, и обманывают. А ты рот-то разинул, ты думаешь, тебя так, даром станут любить, на красоту свою надеешься. Как же не так. Еще хорошо, что на тысяче помирились, а то заломили было три.

Андрей Титыч. Кому ж теперь на свете верить после этого! Истинная правда, тятенька, что нас кругом обманывают.

Тит Титыч. Вот для этого-то для самого я и хочу тебя женить, чтоб ты не баловался. Ну, теперь, что ты еще будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титыч. Ничего не могу говорить против вас, потому сам кругом виноват-с.

Тит Титыч. Так-то вот лучше. Собирайся к невесте.

Иван Ксенофонтыч входит.

Явление восьмое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч, Андрей Титыч и Иван Ксенофонтыч.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, извините, я ничего не знал...

Тит Титыч. А, теперь извините, за разум взялся! Нет, уж поздно. Видишь, вон пишет! Это прошение на вас с дочерью.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, ни я, ни дочь тут ни в чем не виноваты. Это, без нашего ведома, сделала глупая женщина... Мы живем смирно, мы никого не трогаем, мы занимаемся своим делом.

Тит Титыч. Знать ничего не хочу!

Андрей Титыч. Тятенка, что ж вы мне говорили? Вот она правда-то, наружу выходит.

Тит Титыч (топнув). Молчи, не дыши!

Иван Ксенофонтыч. Вот ваши деньги, возьмите их.

Тит Титыч. Деньги! Ты деньги принес? Что за диковина такая! Деньги назад принес! Тут нет ли подвоху какого? Сахарыч, как ты думаешь, взять деньги али нет? Обману нет ли?

Захар Захарыч. Деньги возьмите, ничего.

Тит Титыч. Ну, давай деньги.

Иван Ксенофонтыч отдает.

Все ли? На, Андрей, сочти.

Иван Ксенофонтыч. Все, все. Не мучьте вы меня, не считайте.

Тит Титыч. Так тебе и поверить! Как же!

Андрей Титыч. Все-с.

Тит Титыч (берет деньги). Ну, теперь ступай! А за обиду я с тобой разочтусь. Видишь, пишет.

Иван Ксенофонтыч. Отдайте мне расписку.

Тит Титыч. Какую это расписку? Что Андрей-то дал?

Иван Ксенофонтыч. Эту самую.

Тит Титыч. Что ты, очумел, что ли? Слышишь, Сахар Сахарыч, расписку просит.

Захар Захарыч. Как можно-с! Он ее представит, тогда хлопот-то не оберешься.

Тит Титыч. Ишь ты, что выдумал! Какую штуку гнет! Нет, брат, нас не надуешь! Мы тоже волки-то травленые! (Смотрит на него.) Ха-ха-ха-ха!

Захар Захарыч (тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча). Ха-ха-ха-ха!

Тит Титыч. Он, должно быть, для того и деньги-то принес, чтобы расписку выручить, а потом за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иван Ксенофонтыч (потерявшись). Нет, я потому деньги принес, что нам чужих не надо... мы живем бедно... мы живем своими трудами... мы смирно живем. Я вам еще денег принесу, сколько у меня есть... я достану, заработаю.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru

Тит Титыч. Ишь ты, как распевает. Ха-ха-ха!

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч (бросается к Титу Титычу). Подай расписку, подай! Я у вас отниму ее, я вырву... мое дело правое... мы не виноваты...

Тит Титыч (отстраняя его рукой). Тише, тише! Сахарыч! Ловкий народ, а? Ха-ха-ха!...

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч (падая на колена). Отдайте, Христа ради, отдайте! Я ее изорву, при вас же изорву.

Андрей Титыч. Маменька, попросите. У меня сердце все изорвалось, да говорить-то я не смею.

Настасья Панкратьевна. Отдайте, Кит Китыч. Ведь он старишок, жалко старишка-то.

Тит Титыч. Ты молчи! Не твое дело... Аль отдать? Сахарыч, отдать?

Иван Ксенофонтыч. Отдайте, отдайте! Я не выду без этого! Как мне показать глаза дочери! Это сделала глупая хозяйка. Разве моя Лиза может? Она плачет теперь... Да что я говорю! Где я говорю об ней! Я с ума сойду!...

Захар Захарыч. Ни, ни, ни!...

Тит Титыч. А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смей разговаривать! А то еще дело заводить, путаться. Как же, нужно очень!

Захар Захарыч. Что вам дела бояться! Ваше дело правое. Я за него возьмусь.

Тит Титыч. Да, тебе еще деньги платить! Нет! не надо! Подай расписку.

Захар Захарыч подает.

Ступай домой, прощай! Когда надо будет, пришлю. Улепетывай!

Захар Захарыч берет картуз и становится у дверей.

(Учителю.) Так ты говоришь, что вы не знали этого дела?

Иван Ксенофонтыч. Не знали, не знали.

Тит Титыч. Значит, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба! На твою расписку. Я не в тебя. (Подает расписку.)

Иван Ксенофонтыч (разрывает ее и с хохотом топчет ногами). Будьте вы прокляты! Как это вас земля-то терпит! Как эти стены не обвалятся на вас! Дочь моя! Сокровище мое! (Убегает.)

Тит Титыч. Что он говорит? Как он смеет? Держи его! Вот видишь ты, с какой сволочью связываешься. Подите все вон! А ты, Андрей, собирайся к невесте ехать.

Все уходят.

Явление девятое

Тит Титыч (один; сидит довольно долго молча, потом ударяет кулаком по столу). Деньги и все это тлен, металл звенящий! Помрем - все останется. Так тому и быть. Мое слово - закон. Жена, Андрей, подите сюда!

Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч входят.

В чужом пиру похмелье. Александр Николаевич Островский ostrovskyalexander.ru
Явление десятое

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Андрей, я тебя отделяю; полтораста тысяч тебе серебром и живи, как знаешь.

Андрей Титыч. Тята...

Тит Титыч. Молчи! Не смей со мной разговаривать!

Настасья Панкратьевна. Как это можно, Кит Китыч! Он у нас еще ребенок совсем.

Тит Титыч. Не твоё дело. Я мальчишкой из деревни привезен, на все четыре стороны без копейки пущен; а вот нажил себе капитал и других устроил. Хороший человек нигде не пропадет, а дурного и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороных в коляску, оденься хорошенко, возьми мать с собой да поезжай к учителю, проси, чтоб дочь отдал за тебя. Он человек хороший.

Андрей Титыч. Помилуйте, тята..., он и прежде-то бы не отдал, а теперь мне и глаза показать нельзя.

Тит Титыч. Я тебе приказываю, слышишь! Проси, кланяйся в ноги. Он и постарше тебя, да кланялся. Как он смеет не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денег дам. Ступай! Небось, не откажется.

Андрей Титыч. Да они никаких денег не возьмут.

Тит Титыч. Молчи!

Настасья Панкратьевна. А как же, Кит Китыч, та-то невеста?

Тит Титыч. Вы со мной не смейте разговаривать! (Идет к двери.) Если он не отдаст за тебя, - ты лучше мне и на глаза не показывайся. (Уходит.)

Андрей Титыч. Что только за жизнь моя! (Махнув рукой.) Ах, маменька, поедемте! Уж знаю, что толку ничего не будет, одна мука.

Уходят.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!